

ГОСУДАРСТВЕННАЯ НАУЧНАЯ ПОЛИТИКА ГЛАЗАМИ «РЯДОВОГО УЧЁНОГО». СИТУАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ УЧЁНЫХ В ОТВЕТ НА ВОЛНЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ НАУКИ¹

Плюснин Юрий Михайлович

Национальный исследовательский университет –
Высшая школа экономики,
Москва, Россия
Juri.plusnin@gmail.com

Аблажей Анатолий Михайлович

Институт философии и права Сибирского отделения РАН,
Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет, Новосибирск, Россия
ablazhey@academ.org

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Реакция на угрозу»: типология адаптационных поведенческих стратегий учёных в условиях реформы РАН», поддержанного фондом «Хамовники» (грант № 2015-001). Руководители проекта А.М. Аблажей и И.А. Самахова.

АННОТАЦИЯ

Осуществлён сравнительный анализ результатов двух сопряжённых социологических исследований российского академического сообщества на примере Сибирского отделения РАН (СО РАН). Между этими исследованиями – почти четверть века. Первое проведено в 1992 и 1994 гг. в институтах Новосибирского научного центра (ННЦ СО РАН); второе – в 2015 – 2016 гг. вновь в НИИ ННЦ СО РАН, а также в академических институтах Томска, Иркутска и Красноярска. Основной метод: глубинные структурированные интервью, фокусированные на проблемах адаптации отдельных учёных и структурных подразделений СО РАН (институтов, лабораторий и секторов) к радикальным изменениям государственной научной политики. Сравнительный анализ показал, что несмотря на разные цели и результаты осуществления научной политики в начале 1990-х и в середине 2010-х, научное сообщество зачастую демонстрирует одинаковые, по сути, «реакции на угрозы», выраженные в стратегиях поведения как отдельных учёных, так и научных подразделений. Эти стратегии консервативны и ситуативно не адаптивны. Сотрудники и руководство структурных подразделений стремятся сохранить «статус-кво», по возможности не менять сложившуюся структуру отношений, направления, тематику и характер исследований. Это свидетельствует о косной структуре академической науки, продолжающей и в наши дни сохранять основные организационные компоненты, заложенные ещё в советские 1930-е гг.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

академическая наука, академическое сообщество, Российская академия наук (РАН), Сибирское отделение РАН, академическая корпорация, научные подразделения, государственная научная политика, реформа науки, научные исследования, стратегии поведения учёных, поколения в науке

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Плюснин Ю.М., Аблажей А.М. Государственная научная политика глазами «рядового учёного». Ситуативные стратегии поведения учёных в ответ на волны реформирования российской науки // Управление наукой: теория и практика. 2019. № 2. Т. 1. С. 38–57

ВВЕДЕНИЕ

Наша академическая наука всегда являлась образцом консервативности и стабильности. В первую очередь, конечно, такое суждение относится к «академической корпорации», по терминологии Е.В. Семёнова, – к Российской академии наук. Но это же нередко предполагается и в отношении академического научного сообщества, «низовых» сотрудников Академии наук. Однако до последнего времени нельзя было судить, насколько в действительности консервативен институт академической науки. Для этого необходим, по меньшей мере, продолжительный, лонгитюдный социологический анализ академического сообщества и наличие соответствующих условий. Самым первым таким условием выступает радикальное изменение государственной научной политики, направленное на реструктуризацию и реновацию института науки, по меньшей мере на изменения в системе финансирования и кадрового обеспечения. Такие условия создавались трижды за тридцать постсоветских лет – примерно раз в десятилетие, и мы этим воспользовались.

В конце 1991 – начале 1992 гг. Министерство науки, высшей школы и технической политики РФ под руководством Б.Г. Салтыкова начало реализацию концепции реформирования РАН, подготавливаемую в течение шести предшествующих лет [1, с. 8–28], которая тут же была объявлена академической корпорацией «кампанией по шоковой терапии науки» и вызвала резкое противодействие на всех уровнях академического сообщества, включая самих учёных. Первый этап реформирования пришёлся на 1991 – 1996 гг., вслед за ним наступил «период затишья» (1996 – 2002). За этим последовала следующая волна реформационного усилия (И.Г. Дёжина, предлагая такую периодизацию, обосновывает её статистическими данными о степени активности государственных органов по регулированию научных исследований, выражающейся в количестве разного рода выпущенных документов [2]). Вторая волна преобразований науки началась с осени 2004 г. по инициативе профильного министерства под руководством А. Фурсенко и продолжалась сравнительно недолго, не увенчавшись успехом, как представляется, во многом благодаря активному сопротивлению антиреформаторских сил в РАН, сумевших к тому времени выработать эффективные охранительные механизмы на опыте реформ 1991 – 1996 гг. Третья волна нахлынула совершенно неожиданно в конце июня 2013 г. Инициатором вновь явилось Министерство образования и науки РФ, но уже под руководством Д. Ливанова. Результаты этой последней волны реформирования академическое сообщество и его «академическая корпорация» ощущают в наши дни.

Главные направления государственной политики реформирования российской науки во все три периода примерно одинаковы и совпадают с первоначальными целями [3]. Это ликвидация сложившейся в советское время формы организации фундаментальных исследований в виде сети специализированных, финансируемых государством, но относительно автономных

научно-исследовательских учреждений. Академический сектор науки должен был стать: (а) компактным, (б) управляемым и (в) эффективным.

Первая волна реформирования крайне болезненно отразилась непосредственно на научном сообществе, мало затронув «корпорацию РАН», сумевшую сплотиться, организовать и защитить позиции и привилегии, в том числе громадный имущественный комплекс. Вторая волна также была довольно успешно отражена «корпорацией», да и само научное сообщество сумело пережить реформирование с невеликими потерями. И только третья волна имела, по-видимому, существенные негативные последствия не только для простых учёных, но и для «корпорации», утратившей в результате многое (и самое важное – имущественный комплекс). Как нам представляется, видимый успех реформирования РАН оказался достигнут благодаря во многом реализации реформы по сценарию «эволюционно-реформаторского развития науки» в варианте прямого (жёсткого) управления, предложенного за десятилетие до этого Е.В. Семёновым, который и считал его в то время наилучшим из четырёх возможных сценариев реформирования науки [4].

Активное сопротивление реформированию в течение всех трёх десятилетий, сплотившее и консолидировавшее «академическую корпорацию», одновременно раскололо собственно академическое сообщество. Если во время «шоковой терапии» 1990-х рядовые учёные в большинстве своём сплотились вокруг руководства институтов, то третья волна смогла пробить брешь во фронте сопротивления реформам, благодаря не только уходу из Академии немалого числа учёных, но и появлению новых возможностей для реализации как профессиональных, так и житейских интересов учёных.

Однако в данном случае нас интересует реакция простых учёных на внезапные – поскольку поспешность реализации реформ, с их точки зрения, имела место во всех случаях – изменения условий их профессиональной деятельности. И в первом, и во втором, и в третьем случаях реакции со стороны учёных были резко негативными, сопровождались тревогой и страхами не только за свою профессиональную судьбу, но также и за положение российской науки в целом. Последствиями таких реакций были различные стратегии поведения, определившиеся достаточно быстро уже в первые годы реформирования, реализованные и воспроизводившиеся в последующем.

Благодаря осуществлению двух содержательно и методологически связанных исследований, разнесённых по времени на четверть века, мы получили возможность провести диахронный анализ оценок учёными проблемы реструктуризации и реформирования РАН и академической науки в России на примере её самого крупного подразделения – Сибирского отделения РАН, которое долгие годы оставалось «нетронутым научным анклавом» (Б.Г. Салтыков). Нам представляется интересным дать описание некоторых результатов, полученных в 1992 – 1994 и 2015 – 2016 гг., в двух отдельных частях, несмотря на – а скорее именно по причине – сходство реакций и стратегий поведения учёных. Материалы исследования 1992 – 1994 гг. были тогда же представлены в двух аналитических справках для Президиума СО РАН [5,6] и частью опубликованы [7]. Материалы исследования 2015 – 2016 гг. частично опубликованы [8]. Сравнительный анализ их ранее не проводился.

МЕТОДОЛОГИЯ И ЭМПИРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ

Особенностью данного исследования явилось проведение двух циклов, разнесённых по времени на четверть века. Первый цикл из двух отдельных исследований был проведён Ю.М. Плюсниным в декабре 1992 и в апреле 1994 гг. по заказу Президиума СО РАН и мэрии г. Новосибирска, с целью выявить и описать реакции представителей академического сообщества на начавшуюся «шоковую терапию науки», осуществлявшуюся по инициативе Министерства образования и науки РФ в 1991 – 1996 гг. Конечной целью такого исследования был поиск вариантов и направлений будущего трудоустройства сотрудников отделения в ожидании массовых увольнений. Второй цикл явился инициативным исследованием А.М. Аблажея и И.А. Самаховой, осуществлённым при поддержке фонда «Хамовники» в 2015 – 2016 гг., с аналогичной целью: выявить вынужденные адаптационные стратегии учёных СО РАН в ответ на запущенный в третий раз Правительством РФ процесс радикальной реформы академической науки.

Оба полевых проекта осуществлены по единой методологии качественного исследования. Основным способом доступа «в поле» стал метод «снежного кома». Основными методами явились: (1) фокусированное полуструктурированное глубинное интервью с рядовыми учёными и инженерами, руководителями структурных подразделений; (2) фокус-группы с сотрудниками лабораторий и членами советов молодых учёных научных центров. В качестве дополнительных методов использовались: (3) включённое наблюдение характера неформальных межличностных отношений, поскольку авторы являлись на момент исследований сотрудниками СО РАН; (4) контент-анализ местной печати, в том числе специализированных академических изданий; (5) анализ официальных документов Правительства РФ и Президиума РАН и СО РАН.

- При планировании и реализации проектов и при разработке сценария интервью намечалось исследовать и проанализировать следующие вопросы:
- влияние проводимой реформы на сферу финансирования (конкуренция за ресурсы, эффективность сложившихся в результате реформы принципов и схем распределения ресурсов);
- состояние научной инфраструктуры, в том числе улучшение/ухудшение условий проведения исследований;
- оценка кадровой ситуации в подразделении и научном центре;
- межличностные отношения в коллективах (лаборатории, институты), сотрудничество/конкуренция;
- степень уверенности респондентов в завтрашнем дне, прогноз развития ситуации в подразделении, институте, научном центре, академической науке в целом, обсуждение возможных сценариев профессиональной карьеры;
- степень академической свободы;
- взаимоотношения коллектива с дирекцией института;
- мнение рядовых учёных и руководства о способах оценки эффективности научной деятельности (рейтинги сотрудников, лабораторий, институтов).

В первом цикле исследования материалы собирались только в структурных подразделениях Новосибирского научного центра. Были проведены интервью с 47 респондентами в 13 институтах в декабре 1992 г. и, соответственно, с 45 респондентами в 10 институтах в апреле 1994 г. Все интервью проведены с научными сотрудниками в статусе от заместителя директора, заведующего лабораторией (сектором) до рядового научного сотрудника, «мээнэса». Во втором цикле полевое исследование проведено в Новосибирском, Томском, Иркутском и Красноярском научных центрах, интервью взято у 40 респондентов, научных сотрудников тех же статусов. Несколько интервью получены от руководителей институтов и членов РАН. Проведение второго исследования спустя почти два года после начала реформы позволило зафиксировать гораздо менее эмоциональные, более взвешенные и обдуманые, по сравнению с летом 2013 г, оценки учёными произошедших изменений.

ИССЛЕДОВАНИЯ 1992 – 1994: РЕАКЦИЯ НА УГРОЗУ И ОПТИМИЗМ БЕЗ ПЕРСПЕКТИВ

Два последовательно проведённых исследования с перерывом в полтора года выявили, с одной стороны, распространённость эмоциональных и нерациональных реакций учёных на начавшийся процесс реформ, с другой стороны – быстрые изменения самих реакций за короткий период. В декабре 1992 г. реакции как самих респондентов, так и, по их словам, их коллег по лаборатории и институту можно охарактеризовать словами одного из них: *«мы сейчас – как слеза на реснице»*¹. Высокая лабильность реакций, вызванная «кризисом реформирования», проявилась ярче всего в сокращении сроков планирования будущего – с обычных для исследователя нескольких лет (2–5) до месяцев и недель [9]. Если в конце 1992 и в 1993 г. учёные ещё сохраняли уверенность в отношении своего профессионального будущего, несмотря на страхи по поводу будущего науки (*«если дальше так пойдёт, наука не сможет сохранить свой кадровый потенциал и исчезнет через год-полтора»*), то в 1994 г. их планирование собственного профессионального будущего сократилось до полугода, несмотря на «весеннее головокружение», вызванное внезапным денежным потоком из грантов, позволившим увеличить доход в 2–3 и более раз. При этом именно в эти годы, когда профессиональные перспективы так сильно обрушились, немалое число учёных получили возможность ездить в заграничные командировки и отъезжать на заработки; повсеместно распространилась уверенность, что именно заграничные поездки дадут возможность многим поправить своё материальное, да и научное положение. Однако тревога за своё профессиональное будущее, страх за благосостояние семьи, общее напряжение охватили практически всё академическое сообщество и сохранялись в течение первых двух лет реформирования. Это повлекло за собой амбивалентные

¹ Здесь и далее курсивом выделены цитаты из интервью наших респондентов.

реакции в отношении действий руководства СО РАН в ответ на начавшееся реформирование науки, а также заставило учёных сформировать несколько разных стратегий поведения.

ОЦЕНКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУКОВОДСТВА АКАДЕМИИ НАУК

В 1992 г. лейтмотивом оценок перспектив науки являлась уверенность многих (в дальнейшем, конечно, забытая, поскольку вызвана было страхами и чувством дезадаптации к новым реалиям), что *«...если нынешняя экономическая ситуация и политика государства по отношению к науке протянется два-три года, то академическая наука исчезнет»*. На фоне «шокового» сокращения бюджетного финансирования науки руководство Сибирского отделения, по мнению рядовых сотрудников, никак на него не отреагировало, что вызвало их резко негативную реакцию. Многие считали, что существование академической науки в сложившейся организационной форме, когда руководство столь активно сопротивляется реформирующим усилиям правительства, не имеет перспектив – позиция РАН безусловно проигрышная (*«всё может рухнуть в любой момент»*). Да и сохранить свой кадровый потенциал организация не сможет при существующей научной политике государства (*«...в самой благоприятной ситуации – в течение одного года»*). По мнению респондентов, политика администрации институтов также не носит целенаправленного характера, она стихийна: руководители не знают, какую стратегию им следует выбрать и как реагировать на новую ситуацию.

Иными словами, респонденты и их коллеги в лабораториях, испытывая страхи и тревоги в отношении себя, ожидали поддержки от организации и не чувствовали её в тот самый первый период реформирования. Это и вызвало соответствующие агрессивные-негативные оценки и деятельности руководства Сибирского отделения, и перспектив академической науки вообще. Мало кто сомневался в необходимости изменений, но никто не знал, в каком направлении изменяться.

Очень скоро, к весне 1994 г., произошла резкая диверсификация таких оценок. Значительная часть учёных (по нашим оценкам, более $\frac{1}{2}$ и до $\frac{2}{3}$) начинают относиться к руководству СО РАН как к *«спасительному острову твёрдой земли в бурном штормовом море»*, во многом благодаря успешной на то время политике сопротивления нововведениям. Многие стали увязывать не только профессиональные перспективы, но и личные планы с «консервирующими» усилиями руководства Отделения. По их мнению, структура академической науки требует изменений, но не революционных, а *«плавных эволюционных подвижек»*. Однако эти оценки не имели глубокого аналитического характера, а отражали эмоциональное состояние людей и по-прежнему были следствием страха за своё будущее и судьбу организации (*«...благодаря структуре, которая сохраняется в море хаоса и политической нестабильности, живёт наука и живём мы»*).

Получили, однако, распространение и альтернативные оценки: о нежизнеспособности такой организационной формы науки; соответственно,

и перспективы Сибирского отделения такие учёные оценивали негативно. Академическая наука *«складывалась как государственная, монополистическая, узкоспециализированная, рассчитанная на неограниченное финансирование»*, она организационно устарела и стала нежизнеспособной, поэтому она в ближайшей или отдалённой перспективе погибнет. Эти оценки были характерны не менее чем для $1/3$ респондентов и их коллег, но преимущественно для исследователей, предполагавших свой уход из науки или отъезд за границу.

Наконец, были и учёные, намеренные во что бы то ни стало сохранить верность профессии. Но и они считали, что институт науки во всех своих организационных формах должен в самое ближайшее время радикально измениться, а предлагавшиеся до сих пор проекты и программы реформирования – паллиативные и в своей основе негодные. Необходима новая концепция организации научной деятельности, но какая – даже и эти учёные, *«верные слуги науки»*, не могли сказать хоть что-то определённое.

СТРАТЕГИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Столь же радикально разделились и стратегии поведения учёных в новых условиях. Они сформировались очень быстро, уже в первые месяцы «шоковой терапии», к концу 1992 г., и в дальнейшем остались неизменными не только в 1994 г., но и к 2002 г. [10], в трансформированном виде сохранившись и в 2010-х. Уже в исследовании 1992 г. было выявлено и описано четыре вида стратегий, три из которых мы расценили как в разной мере неадаптивные, а одну в высокой степени адаптивной – к новым условиям динамичного и неопределённого существования в «рыночной среде».

Первую и наиболее многочисленную группу составляли научные сотрудники преимущественно зрелого и пенсионного возраста, которых называют «середняками». В целом для них характерна невысокая или низкая производительность, они мало склонны (если вообще способны) к научному творчеству, не готовы активно беспокоиться о своём будущем. Большинство из них работали традиционными методами и в традиционном стиле, принятом ими еще 15–30 лет назад, хорошо понимая, что в любой момент могут потерять всё и сразу. Перестроиться или переквалифицироваться они уже не могли, уйти на пенсию многие из них не желали; были готовы ожидать, пока сами обстоятельства не вынудят их к действию. (Как теперь знаем, не вынудили [10], и в этом смысле такая стратегия оказалась в долгосрочной перспективе адаптивной, хотя на тот момент мы оценивали её противоположно.) Эта группа научных сотрудников не изменила и не намерена была менять стереотипы поведения. Они надеялись на защиту со стороны института, поэтому и выступали за сохранение всей структуры Отделения в неизменности. Основную надежду они возлагали на дирекцию своих институтов. Поскольку и в руководстве институтов было немало людей, разделяющих взгляды данной группы, то оно поддерживало их, видя здесь основную опору консервативной политике. Мы считали, что именно благодаря давлению со стороны данной группы ни в одном институте ННЦ не было про-

ведено объявленное сокращение, хотя ожидания были катастрофичны. Руководство Отделения пошло по ставшей уже типичной российской модели трудовых отношений: снижать зарплату, но не сокращать численность работников, что прямо противоположно рыночной модели. Совокупная сила этой группы очень велика: сюда включались, по оценкам самих учёных, от 70 до 90% всех сотрудников Отделения и большинство членов дирекций – и они готовы были всеми силами сохранять сложившуюся организационную структуру. Учёные с данным типом поведения отмечены и ещё одной чертой, принесённой из прошлого: они безусловно требуют равенства в распределении средств лабораторий, зарабатываемых отдельными их коллегами. Но требуя равенства в распределении доходов, представители этой группы отреагировали на кризис тем, что поголовно снизили свою научную активность или вовсе перестали работать. Парадокс такой ситуации усугублялся и тем, что если раньше ценность научной деятельности самой по себе была высока, и даже те, кто только создавал видимость работы, её не оспаривали, то теперь ею откровенно пренебрегали. Таким образом, кризисная ситуация выявила наличие значительного «балласта» в академическом сообществе. Впрочем, он смог успешно сохраниться и до наших дней.

Второй тип реакции на угрозу демонстрировали учёные – преимущественно теоретики и высококлассные специалисты, которые испытывали депрессию и находились в состоянии апатии. Произошел психологический надлом, обусловленный непереносимой для них политической и экономической ситуацией. Они хотели работать только и исключительно по своей специальности, но эмоциональное напряжение лишало их сил. Они не искали для себя дополнительных источников дохода, довольствовались существующей зарплатой, работали по инерции. Их научный потенциал обнулелся. Этим исследователям были необходимы для деятельности благоприятные, «тепличные» условия, которые создать было невозможно. Поэтому большинство из них готовы были «продаться» и уехать за рубеж. Что и сделали очень скоро. Важнейшим глубинным мотивом отъезда было эмоционально тяжёлое психологическое состояние. В те годы мы оценивали численность этой категории учёных в 10 %; уже в 1994 – 1995 гг. в некоторых институтах именно такая доля исследователей находились в длительных заграничных командировках, и многие из них не вернулись «через полгода», как обещали. Таким образом, стратегия поведения этих учёных была неадаптивной лишь в отношении ситуации в российской науке и в конечном счёте, хотя и с психологическими издержками, оказалась весьма успешной.

Третью стратегию демонстрировали исследователи, совершенно не изменившие стереотипы своего поведения в науке. В этом смысле они реагировали не адаптивно, поскольку, продолжая активно работать и не ища для себя новых источников к существованию, они проигрывали по сравнению с теми коллегами, может быть, и менее талантливыми, но переключившимися на новые источники дохода вне науки (первая стратегия), или коллегами, ориентированными на отъезд (вторая стратегия). Учёные с третьей стратегией ограничивались лишь теми скудными средствами, которые получали

от института и не имели иных источников для нормального существования. Но именно эта группа исследователей сохраняла в те годы научный потенциал академического сообщества, хотя далеко не всегда находила поддержку со стороны дирекции своих институтов. Эти люди – оптимисты, надеявшиеся на возвращение лучших времён. Примечательно, что прихода лучших времён они ожидали уже к началу следующего, 1994 г. («...наверное, через год-полтора всё нормализуется, ведь [правительство] понимает, что наука необходима»). Вероятно, в силу своего оптимизма они не всегда адекватно оценивали ситуацию, складывавшуюся в институте, в ННЦ, в СО РАН в целом. Хотя таких людей, погружённых в науку и не желавших ничего менять, было не так много, они составляли важную поддержку политики СО РАН и РАН по противодействию реформам.

Адаптивное на то время поведение демонстрировала четвёртая группа исследователей. Это были активные люди, с ходу включившиеся в поиск денег как для лаборатории, так и для себя. Часто их не интересовали источники средств, и они были готовы выполнять любую, даже неквалифицированную или из ненаучной сферы, работу. Как правило, эти люди были даже более активны вне науки. Среди них – в целом это небольшая группа, всего 1–2% – были как талантливые учёные, так и «середняки», и немалая доля учёных-администраторов. Эти люди, благодаря своим связям за рубежом, с управленческими и партийными структурами в стране, сумели вовремя реорганизовать деятельность, наладить новые связи, внедриться во вновь создаваемые институты. Они взяли на себя ответственность за многих коллег, а через них – и за их семьи. То, что средства к обеспечению деятельности лабораторий и отдельных людей нередко лежат вне сферы науки, снижало эффективность деятельности таких учёных, да и статус их падал в глазах коллег. Кроме того, их поисковая активность, в немалой степени бесцеремонная, способствовала падению престижа научной деятельности в глазах и общества и власти. Немалая часть из них добились успеха в новых сферах деятельности и оставили науку. Тем самым их активность, на первых порах нужная институту и коллегам, объективно была направлена на снижение потенциала академического сообщества. Но именно таких реакций требовало время.

Таким образом, с течением времени оценки адаптивности каждой из четырёх выявленных стратегий профессионального поведения академических учёных сместились, в том числе на противоположные. Неадаптивная первая стратегия, которую сумели продержат почти тридцать лет, в такой перспективе оказалась явно адаптивной. Столь же адаптивны оказались и вторая и четвёртая стратегии, хотя в обоих случаях – отъезд за границу и уход из науки – эти стратегии были неблагоприятны для российского академического сообщества. И только третья стратегия («консервация» профессионального поведения и сохранение верности науке несмотря ни на что) как была, так и осталась неадаптивной, существенно снизив благосостояние учёного и его семьи.

ИССЛЕДОВАНИЕ 2015 – 2016: ВСЁ ТЕ ЖЕ РЕАКЦИИ И ТОТ ЖЕ ОПТИМИЗМ

Прежде всего следует отметить тот факт, что спустя два года после начала реформы 2013 г. – как и в 1992/1994 гг. – уже мало кто сомневался в её необходимости, но подавляющее большинство респондентов резко критиковали методы реализации (*«Первое, и это вообще никем и никогда не отрицалось и не отрицается, и это совершенно насущная проблема – реформа абсолютно необходима; второе: в том виде, в каком реформа была предложена и реализована, – ну, начинает реализовываться, – она вообще была недопустима совершенно; третье: в том виде, в каком она реализуется, она вызывает очень большие опасения»*). Ясно, что отклонения от полного отрицания до безусловной поддержки – также были, но в целом настроения учёных можно охарактеризовать именно так: реформа была нужна, более того – жизненно необходима, она назрела и даже перезрела, но задумали и проводят её так, что эффекты оказались зачастую прямо противоположными тем, на которые рассчитывали. В силу специфики российской модели государственного капитализма «рыночный» зачастую означает «бюрократический». Стремление государства в условиях недостатка необходимых ресурсов (и не только финансовых), тем не менее, реформировать науку, сделав её, с одной стороны, управляемой и недорогой, с другой, стороны, современной и эффективной, наталкивается на сопротивление научного сообщества, пытающегося сохранить традиционные (во многом унаследованные ещё с советских времен) ценности научной профессии.

Один из наиболее важных пунктов критики касается стремления всё зарегулировать, спланировать, прописать чёткие формальные критерии выполнения намеченного задания, что в корне противоречит самой сути научной деятельности, носящей поисковый характер. Положение не спасает то обстоятельство, что пришёлся этот удар преимущественно по руководству институтов (*«Если в институте нормально функционирующая администрация и начальство понимают, что такое научная работа, то оно [начальство] пытается демпфировать этот бюрократический удар, и до рядовых исполнителей он, может, доходит в ослабленном виде, но все равно наверняка доходит... с бюрократической точки зрения жить... стало хуже»*). Методы и приёмы руководства наукой, внедряемые вновь созданными органами управления, по существу, нацелены на формирование совершенно новой системы профессиональных ценностей учёного. Самим учёным *«...жёсткое администрирование научных учреждений... тенденция, когда... даже внутри институтов будет отделена должность директора от некоей научной составляющей, в институт будет назначен некоторый менеджер, который... вообще не будет касаться научной деятельности... кажется совершенно недопустимым... здесь [в науке] неразрывно связаны вопросы эффективности управления собственностью и научные вопросы»*. По мнению учёных, разработка критериев эффективности работы как отдельного учёного, так и лаборатории, института в целом – важнейшая задача, требующая объединения усилий самых разных сторон

(«...реализация реальных потребностей общества и экономики должна лежать в основе функционирования науки – никакое ФАНО ведь за нас это не решит, не сформулирует... неформальные [критерии эффективности науки] должны коллегиально и экспертно формулироваться компетентными людьми на уровне правительства»).

Как «абсолютно недопустимая» квалифицировалась идея, что деятельность научного учреждения (института), равно как и отдельного учёного, должна оцениваться на основе формальных показателей: числа статей, индекса цитирования и пр. Идею «сделать индекс Хирша мерилем всех вещей» научное сообщество, несмотря на очень серьёзные усилия профильных ведомств, упорно не принимает. Безусловно отрицается идея сделать центром реформы фигуру отдельного, пусть и успешного, учёного, или в крайнем случае – лаборатории. Эта мысль была общей для подавляющего большинства наших респондентов, относящихся к самым разным возрастным, гендерным, административным группам учёных.

Возникает любопытная ситуация спора двух логик управления и финансирования науки: условно «советской» (его объектом является учреждение в целом), и «постсоветской» («западной»); объектом является отдельный успешный учёный или небольшая группа, лидером которой является опять же этот самый учёный. Она осложняется появлением ещё одной логики – объектом становится (или должен стать) условный «ускоритель». Понятно, что «советская» логика управления отражает менталитет советского же учёного, для которого наука – не просто профессия, но образ жизни, миссия, а институт – второй дом, где коллектив, в котором нередко проходит вся жизнь, – вторая семья. «Постсоветская» логика управления отражает настроения прежде всего молодой научной поросли, которая увидела в реформе шанс быстрой профессиональной (в том числе управленческой) карьеры. А вот условная «третья» логика – это отражение взглядов той части сообщества, которая нацелена на результат, но, в отличие от «постсоветской», не ценой жёсткой отбраковки людей, с которыми привычно и комфортно работать, даже если их формальные показатели и невысокие. На первом плане для них всегда стоит научный поиск, обеспечение самой возможности работы и борьба с имитацией науки.

Отчётливо проявилась психологическая усталость заметной части научных работников от постоянных, во многом ненужных изменений, когда меняется всё, от принципов планирования до формы отчётов. И это приводит чуть ли не к нервным срывам: *«самое главное наше пожелание – чтобы нас оставили в покое... все устали, большинство сотрудников считает, что либо вы уж совсем закрывайте нас, либо скажите, что все это прекращается и мы живём в стабильной ситуации... нам говорят – вот, на год ещё продлили мораторий – это что значит? Что через год нас всех уволят, или как? Что будет после окончания моратория? Какова цель вот этой реформы?»*. Пока эта ситуация коснулась в основном руководящего уровня научных учреждений, но по цепочке доходит и до рядовых сотрудников.

Были и положительные оценки реформы, правда, со стороны представителей лишь одной группы учёных. Речь идёт о заметной части молодёжи,

которая восприняла реформу как шанс для ускорения собственной карьеры, поскольку закостеневшая структура Академии наук мешала появлению в ней «новых имён». В ней всё больше борьбы за власть и влияние (очень симптоматичны в этом отношении последние по времени выборы в РАН, прошедшие уже после начала её реформирования, в 2016 г.) и всё меньше науки. Именно этим и объясняется убежденность большинства наших респондентов в том, что реформа назрела и перезрела. В этих условиях радикальная перестройка всей системы фундаментальных исследований и появление нового центра власти в лице ФАНО способствовали появлению слоя сторонников происходящих изменений среди молодых сотрудников. Приведём в этой связи весьма показательное высказывание: *«...у меня очень положительное отношение к реформе. На самом деле, я сторонник ещё более радикальных изменений... Сейчас есть возможность тем ребятам, которые умеют работать, которые хотят работать, действительно пробиться. У нас [в институте] такие возможности точно есть. Пожалуйста, вперёд... [сейчас] новый мир, здесь всё по-другому, всё по-другому, абсолютно. Не в 60-х годах живём»*. Свойственный молодёжи оптимизм также способствует тому, что именно эта часть сообщества становится опорой реформаторов: *«...да, перемены, да, а что, будем работать, тем более, если у тебя семья, дети и пр., тебя подталкивают к этому... вот эта... категория – она преобладает. И в ФАНО – там люди молодые, без этого академического тона... им можно позвонить, найти общий язык, они открыты. Мы – люди примерно одного возраста, одних взглядов на жизнь, несмотря на то что они чиновники, вроде бы, такие прожжённые. И в целом все смотрят... всё-таки больше с оптимизмом, как бы то ни было»*. Позиция научной молодёжи может быть сведена к следующим основным моментам: реформа как шанс, реформа как точка бифуркации, реформа как опасность увидеть ещё одно потерянное поколение в науке. Молодые учёные подобны Дзуликому Янусу: с одной стороны, как всякая молодёжь, они нацелены на изменения и новации, с другой – они плоть от плоти детище академического сообщества, с младых, студенческих ногтей впитавшие те самые традиционные (читай – советские) профессиональные ценности и мировоззрение сообщества. Как и старшие товарищи, многие из них отрицают дух коммерциализации, не мыслят своей личной карьеры вне стен воспитавшей их лаборатории, воспринимают Академию наук не просто как учреждение науки, но как безусловную культурную ценность страны.

Главная причина резко отрицательной оценки проводимой реформы со стороны научного сообщества: неопределённость целей, отсутствие чётких правил игры, которые к тому же постоянно меняются. Именно эту мысль один из наших респондентов постоянно подчёркивал ещё в 2010 г., реагируя на реформы «второй волны»: *поступательное развитие института науки возможно лишь при одном главном условии – «если не мешать и не реформировать, жёстких, резких телодвижений не делать»*. Но именно это в 2013 г. и произошло. Реформа пошла, во-первых, по наименее приемлемому для большинства учёных сценарию, во-вторых, на среднем уровне отсутствует продуманная тактика реформирования, и, в-третьих, постоянный

поиск компромиссных для каждой из сторон (ФАНО и РАН) решений создаёт ситуацию полной неопределённости, что никак не способствует сосредоточенности людей исключительно на профессиональных обязанностях.

Важный момент, радикально отличающий ситуации середины 2010-х и середины 1990-х гг. Если тогда, при резком падении государственного финансирования, у учёных были развязаны руки в поисках финансирования, то спустя четверть века наука оказалась плотно «подсаженной» на стабильные и до какого-то момента постоянно растущие бюджетные средства. Но средств внезапно стало много меньше (кризис на дворе), и одновременно резко сузились возможности поиска внебюджетных источников.

Очевидно, что условием успешного проведения реформы является наличие не только дополнительных финансовых средств и административных ресурсов, но и «пряника» новых перспектив, а их-то как раз и нет. В результате никаких видимых плюсов от реформы учёные не ощущают. Напротив, реформа теперь (как и в 1990-е) ассоциируется только с падением финансирования и нарастанием неопределённости перспектив. Но на этот раз добавилось критически важное нововведение: «закручивание гаек», чрезвычайное усиление бюрократизма. И это сочетание выглядит парадоксальным, если учесть ещё и резкое ограничение возможностей любого манёвра – кадрового, финансового, организационного, тематического.

СТРАТЕГИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Что касается таких стратегий, они так или иначе связаны с реформой. Несомненно, до сих пор сохраняется первая стратегия – пока сохраняется «балласт» в науке, она далеко не уйдёт! Предполагаем, однако, что доля носителей такой стратегии теперь составляет не большинство, а существенное меньшинство среди сотрудников, ведь уже к 2002 г. она снизилась от 3/4 до 1/5 [10]. Практически не стало второй стратегии, поскольку исчезли её представители (*«все, кто мог и хотел, за границу уже уехали»*). Несмотря на то что очень многие эксперты предрекали резкий рост научной эмиграции, прежде всего среди молодежи, на практике наши респонденты это не подтверждали (*«я бы не сказал, что реформа настала и тут резко все поехали куда-то»*), как не подтвердили и данные статистики (как можно видеть по значительному количеству публикаций, доля эмигрировавших учёных из Академии наук остаётся в точности неизвестной ни в начале 1990-х, ни в конце 2010-х [11; 12; 13], но составила явно много меньше «более 1,5 млн учёных», о которых пишут иные авторы). Очень сильно упала и доля зарубежных грантов. Но это уже следствие резко изменившихся после 2014 г. внешнеполитических условий. Третья стратегия – сохранение верности науке несмотря ни на что – продолжает существовать в сибирских Академгородках, но учёные, её носители, сами стали во многом другими; возможно, причина заключается в смене целого поколения в науке за эти годы. Наконец, четвёртая из описанных выше стратегий тоже во многом трансформировалась, поскольку, во-первых, поиск источников финансирования вне науки довольно быстро способствовал и уходу многих из этих людей совсем

из науки. Особенно заметно это стало после второй волны реформирования – слишком контрастны были возможности аккумуляции ресурсов для повышения собственного благополучия. Во-вторых, трансформация стратегии оставшихся её представителей заключалась в заметной активизации сотрудничества с бизнес-структурами, с переносом его в формальные рамки (ранее такое взаимодействие носило преимущественно теневой характер). Институты и лаборатории, которые могли предложить экономике востребованный продукт, как правило, этим воспользовались. В ряде успешных институтов – а их достаточно много – доля стабильного государственного финансирования нередко составляет лишь около половины всего бюджета, остальное – это средства, полученные от бизнес-партнеров по хоздоговорам, гранты и конкурсное финансирование (госпрограммы, гранты Президиумов РАН и СО РАН, и др.). Важным вынужденным результатом последней реформы науки явилась заметная активизация поиска новых источников финансирования: *«посадили на это дело специального человека, чтобы он рыскал»; «мы не пренебрегаем ничем, берём даже маленькие договора»*. Заметим, что подобная ситуация сильно отличается от дореформенной (до 2013 г.), когда финансовое положение учреждений науки стало весьма стабильным и каждое собрание Сибирского отделения РАН начиналось с победных реляций о постоянном растущем среднем размере доходов научных сотрудников Отделения. Теперь фактом является постоянный секвестр бюджета, и институты вынуждены «резать по живому», сокращая те или иные статьи расходов (но не сотрудников!). Одновременно налицо факт достаточно быстрой адаптации к изменившемуся положению дел, большее разнообразие источников финансирования.

Одно из новых следствий третьей волны реформ – ускоренная смена директорского корпуса в институтах. Введение формальных возрастных ограничений (65 лет), сочетание бюрократической (структуры Миннауки) и конкурсной систем отбора, непосредственное участие коллективов институтов в выборе своего руководства привели к тому, что сегодня лишь 20 % директоров являются членами Академии. Несмотря на то что РАН сохранила заметное влияние на процесс их отбора, директора в гораздо меньшей степени связаны корпоративной солидарностью и чётко понимают, что их прямое руководство – это Министерство науки и высшего образования: в первую очередь исходящие оттуда указания и распоряжения имеют жизненно важное значение для сохранения их статуса. Это второй новый результат реформ, возможно, не менее важный, чем изъятие имущественного комплекса академии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Первая волна реформирования 1990-х гг. не достигла целей, но имела совсем не запланированные реформаторами результаты. Во-первых, «шоковая терапия науки» повергла академические массы в уныние, тревогу и страх, вызвала сильнейшие профессиональные пертурбации, совершенно,

однако, не видимые ни с государственного министерского уровня, ни даже с уровня «академической корпорации». Во-вторых, ненастойчивая мягкость «административного усилия» способствовала тому, что руководство РАН (и в ещё большей степени СО РАН) смогло выработать механизмы противодействия реформе, укрепить позиции и, тем самым, в короткое время привлечь на свою сторону большинство рядовых сотрудников, в том числе и тех, кто в самом начале крайне резко критиковал руководство Академии за бездействие и отказ от необходимых преобразований. Сойдя на нет, реформа науки первой волны вызвала к жизни формирование нескольких различных стратегий профессионального поведения учёных. Оказавшись на первых порах неадаптивными «реакциями на угрозу», такие стратегии со временем, при подспудной поддержке академического руководства на всех уровнях, от лаборатории до института и Президиума СО РАН, обнаружили приспособительную ценность для своих носителей, что само по себе способствовало трансформации целей научного поиска, этоса и ценностей учёного [14].

Именно с такими, оставшимися совершенно не замеченными государственными бюрократами, новоприобретениями – разработанной стратегией и тактикой сопротивления реформам, позволившими создать «круговую оборону» Академии наук, новыми формами и новыми ценностями профессионального поведения рядового сотрудника Академии, позволявшими лучше приспособляться к реалиям «рыночно-бюрократического» производства научного знания, – академическое сообщество и встретило вторую волну реформирования. Она накатила и ушла, не оставив следов на «крепости РАН». Сами учёные её едва заметили.

В результате «десятилетие стабильности», продолжавшееся все 2000-е, породило у заметного числа учёных иллюзии, что эпоха неопределённости и резких поворотов закончилась. Проведённые в 2009 – 2010 гг. исследования [15] показывали, что учёных многое устраивает, они просили лишь одного – *«не мешать и не реформировать»*. Исключение составляла разве что административная надстройка в виде РАН и присущих ей принципов руководства наукой. Серьёзным ударом по престижу высшего академического руководства стала пролоббированная в 2008 г. отмена возрастного ценза (70 лет) для занятия административных должностей: все понимали, что главной целью было оставить на своём посту бессменного президента РАН Ю. Осипова, а значит, и всю его команду. Во многих институтах, где должна была произойти запланированная смена руководства, этого не случилось, что привело в целом ряде случаев к росту напряжённости в коллективах, личным конфликтам; не редкостью стал и вынужденный уход из институтов (а иногда из науки вообще) молодых талантливых учёных, профессионально более подготовленных, по сравнению со старой генерацией директоров, к руководящей работе в новых условиях [8]. Это ярко проявилось в начале третьей по счёту реформы: если в самом начале реформы 2013 г. большинство участников протестных митингов и флешмобов напрямую связывали существование науки в России с сохранением РАН в прежнем статусе, то уже год спустя эти настроения почти сошли на нет. Рациональность победила – надо было налаживать отношения с новым руководством.

Третья волна реформ вновь больно ударила по рядовым учёным, создав тревожные и панические настроения в ожидании увольнений, урезания финансирования, бюрократических требований, нарастания контроля и дисциплинарных взысканий. Но ещё больнее она ударила по «академической корпорации», тем более что удар пришёлся в неожиданное место (в начале реформы вообще предлагалось ликвидировать Академию наук как бюджетное учреждение, создав вместо неё «общественно-государственное объединение «Российская академия наук»», по сути – «клуб академиков»).

В результате сложившиеся в конце 1992 г. и закреплённые за 30 лет стратегии профессионального поведения учёных снова поменяли знак с приспособительных на противоположный. А неизменно «консервативная» стратегия руководства РАН и СО РАН на этот раз не выдержала бюрократического удара.

Но что самое важное, с нашей точки зрения: характер ответов на внешнее воздействие как со стороны рядовых сотрудников, так и со стороны «академической корпорации» остался практически неизменным за более чем четвертьвековой период.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Салтыков Б. Г.* Уроки реформирования российской науки (последнее десятилетие XX – начало XXI вв.) // Наука. Инновации. Образование: Альманах. 2006. С. 8–28.
2. *Дёжина И. Г.* Реформа РАН: причины и последствия для науки в России [Электронный ресурс]: URL: <https://www.docme.ru/doc/282491/irina-dezhina--reforma-ran--prichiny-i-posledstviya-dlya-nau>. (дата обращения: 20.10.2019).
3. *Салтыков Б. Г.* Российская наука – тяжёлое время реформ // Российская наука: состояние и проблемы развития. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1996.
4. *Семёнов Е. В.* Сфера фундаментальных исследований в постсоветской России: невозможность и необходимость реформы // Наука. Инновации. Образование: Альманах. 2006. С. 28–61.
5. *Плюснин Ю. М.* Реакция на угрозу (пилотажное исследование социально-психологического состояния учёных): Аналитическая записка для Президиума СО РАН, 1992.
6. *Плюснин Ю. М.* Оптимизм без перспектив (пилотажное социально-психологического состояния научных коллективов): Аналитическая записка для Президиума СО РАН, 1994.
7. *Плюснин Ю. М.* Общественный кризис и академическая наука. Опыт психологического мониторинга научного сообщества Новосибирского Академгородка, 1992–95 гг. // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1996. № 1. С. 256–262.
8. *Аблажей А. М.* Радикальная реформа Российской академии наук: разработка, реализация, оценка научным сообществом // Идеи и идеалы. 2018. № 1, Т. 2. С. 29–52.

9. *Плюснин Ю. М.* Лишние люди в науке. Опыт социально-психологического расследования // *Науковедение*. 1999. № 1. С. 7–19.
10. *Плюснин Ю. М.* Почему «лишние люди» не уходят из науки? // *Науковедение*. 2002. №1. С. 108–118.
11. *Некипелова Е. Ф., Гохберг Л. М., Минделли Л. Д.* Эмиграция ученых. Проблемы, реальные оценки. М.: ЦИСН, 1994. 47 с.
12. *Рязанцев С. В., Письменная Е. Е.* Эмиграция ученых из России: «циркуляция» или «утечка» умов // *Социологические исследования*. 2013. № 4. С. 24–35.
13. *Ащеулова Н. А., Душина С. А.* Мобильная наука в глобальном мире. СПб.: Нестор-История, 2014. 224 с.
14. *Плюснин Ю. М.* Институциональный кризис науки и новые ценностные ориентиры профессионального учёного // *Философия науки*. 2003. Т. 17. № 2. С. 99–108.
15. *Аблажей А. М.* Академические сообщества научных центров Сибирского отделения РАН: по материалам исследований 2009 – 2010 гг. // *Социология науки и технологий*. 2012. Т. 3. № 1. С. 14–23.

Статья поступила в редакцию 01.10.19

SCIENTIFIC STATE POLICY THROUGH THE EYES OF AN «ORDINARY SCIENTIST». SCIENTISTS' SITUATIONAL STRATEGIES IN RESPONSE TO THE SCIENCE REFORMING WAVES IN RUSSIA

Juri M. Plusnin

Higher School of Economics –
National Research University,
Moscow, Russian Federation
Juri.plusnin@gmail.com

Anatoly M. Ablazhey

Institute of Philosophy and Law of
the Siberian Branch of the RAS,
Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russian Federation
ablazhey@academ.org

Abstract. A comparative analysis of the results of two paired sociological studies of the Russian academic community in the Siberian Branch of the RAS (SB RAS) in 1992 – 1994 and 2015 – 2016 was carried out. The first study was realised at the institutes of the Novosibirsk Scientific Center (NSC SB RAS); the second again at the Research Institutes of the NSC SB RAS, as well as at the academic institutes of Tomsk, Irkutsk and Krasnoyarsk was carried out. The main method: in-depth structured interviews focused on the problems of (a) professional adaptation of “ordinary” scientists and (b) reactions of the institutes and laboratories to radical changes in state scientific policy. A comparative analysis showed that despite the different goals and results of implementing scientific policy in the early 1990s and in mid-2010s, the scientific community often demonstrates the same, in fact, “response to threats” expressed in the professional behavioral strategies. These strategies are conservative and situationally non-adaptive. Management of research institutes strives to maintain the “status quo”; they aim, if possible, not to change the structure of professional relations, the directions and subjects of researches. This testifies to the inert structure of academic science and science management, which aims to maintain the main organizational components that were laid down in the Soviet 1930s.

Keywords: academic science, academic community, Russian Academy of Sciences (RAS), Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (SB RAS), “academic corporation”, state science policy, reforming of the science, professional behavioral strategies of scientists, generations in scientific society

For sitas: Plusnin, Juri M., Ablazhey, Anatoly M. (2019). Scientific State Policy through the Eyes of an «Ordinary Scientist». Scientists’ Situational Strategies in Response to the Science Reforming Waves in Russia. *Upravlenie naukoy: teoriya i praktika*. No 2. Vol. 1. P. 38–57

REFERENCES

1. Saltykov, B. (2006). Uroki reformirovaniya rossiyskoy nauki (posledneye desyatiletie XX – nachalo XXI vv.). [Lessons from the reform of Russian science (last decade of the 20th – beginning of the 21st centuries)]. *Nauka. Innovatsii. Obrazovaniye*. Al’manakh. P. 8–28. (In Russ.).
2. Dezhina, I. (2014). *Reforma RAN: prichiny i posledstviya dlya nauki v Rossii*. [Reform of the Russian Academy of Sciences: causes and consequences for science in Russia]. M. ; Paris: IFRI, Tsentr Rossiya / NNG, 2014. [Elektronnyi resurs]: URL:https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ifri_rnv_77_ran_reforma_rus_dezhina_may_2014.pdf (Accessed – 20.09.2019). (In Russ.).
3. Saltykov, B. (1996). Rossiyskaya nauka – tyazheloye vremya reform. [Russian science – a difficult time of reform]. *Rossiyskaya nauka: sostoyaniye i problemy razvitiya*. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN. (In Russ.).
4. Semonov, Ye. (2006). Sfera fundamental’nykh issledovaniy v postsovetskoy Rossii: nevozmozhnost’ i neobkhodimost’ reform. [The field of basic research in post-Soviet Russia: impossibility and necessity of reform].

et Russia: the impossibility and necessity of reform]. *Nauka. Innovatsii. Obrazovaniye. Al'manakh*, P. 28–61. (In Russ.).

5. Plusnin, Ju. (1992). *Reaktsiya na ugrozu (pilotazhnoye issledovaniye sotsial'no-psikhologicheskogo sostoyaniya uchonykh)*. [The reaction to threats (pilot study of the socio-psychological state of scientists)]. *Analiticheskaya zapiska dlya Prezidiuma SO RAN*. (In Russ.).

6. Plusnin, Ju. (1994). *Optimizm bez perspektiv (pilotazhnoye sotsial'no-psikhologicheskoye sostoyaniye nauchnykh kollektivov)*. [Optimism without prospects (aerobatic socio-psychological state of research teams)]. *Analiticheskaya zapiska dlya Prezidiuma SO RAN*. (In Russ.).

7. Plusnin, Ju. (1996). *Obshchestvennyi krizis I akademicheskaya nauka. Opyt psikhologicheskogo monitoringa nauchnogo soobshchestva Novosibirskogo Akademgorodka, 1992 – 1995*. [Social crisis and academic science. The experience of psychological monitoring of the scientific community of the Novosibirsk Akademgorodok, 1992 – 1995]. *Vestnik Rossijskogo Gumanitarnogo Nauchnogo Fonda*. No. 1. P. 256–262. (In Russ.).

8. Ablazhey, A. (2018). *Radikal'naya reforma Rossiyskoy akademii nauk: razrabotka, realizatsiya, otsenka nauchnym soobshchestvom*. [Radical reform of the Russian Academy of Sciences: development, implementation, evaluation by the scientific community]. *Idey i idealy*, Vol. 2. No. 1. P. 29–52. (In Russ.).

9. Plusnin, Ju. (1999). *Lishniye lyudi v nauke. Opyt sotsial'no-psikhologicheskogo rassledovaniya*. [Unnecessary people in the science. The experience of socio-psychological investigation]. *Naukovedeniye*, No. 1. P. 7–19. (In Russ.).

10. Plusnin, Ju. (2002). *Pochemu «lishniye lyudi» ne ukhodyat iz nauki?* [Why do not “unnecessary people” leave science?]. *Naukovedeniye*, No. 1. P. 108–118. (In Russ.).

11. Nekipelova, E., Gokhberg, L. Mindelli, L. (1994). *Emigratsiya uchenykh. Problemy, real'nyye otsenki*. [Emigration of scientists. Problems, real assessments]. M. : TSISN, 47 p. (In Russ.).

12. Ryazantsev, S., Pis'mennaya, Ye. (2013). *Emigratsiya uchenykh iz Rossii: «tsirkulyatsiya» ili «utechka» umov*. [Emigration of scientists from Russia: «circulation» or «brain drain»]. *Sotsiologicheskoye issledovaniye*, No. 4. P. 24–35. (In Russ.).

13. Ashcheulova, N., Dushina, S. (2014). *Mobil'naya nauka v global'nom mire*. [Mobile science in a global world]. SPb: Nestor-Istoriya, 224 p. (In Russ.).

14. Plusnin, Ju. (2003). *Institutsional'nyy krizis nauki i novyye tsennostnyye orientiry professional'nogo uchonogo*. [The institutional crisis of science and the new value guidelines of a professional scientist]. *Filosofiya nauki*, Vol. 17. No. 2. P. 99–108. (In Russ.).

15. Ablazhey, A. (2012). *Akademicheskoye soobshchestvo nauchnykh tsentrov Sibirskogo otdeleniya RAN: po materialam issledovaniy 2009 – 2010 gg*. [Academic Communities of Scientific Centers of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences: Based on Research Materials 2009 – 2010]. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*, Vol. 3. No. 1. P. 14–23. (In Russ.).

The paper was submitted 01. 10. 19